

Малый зал "Балтийского дома"... Столы, легкие напитки, фрукты... Оживление, разговоры, смех, ходьба, громкие приветствия, нечаянные толчки — суета. Меркнет свет. Только луч прожектора освещает артиста с гитарой в руках. Звучит первый аккорд... Что-то необъяснимое наполняет зал. "Звезда", "Цветок", "Зеленый камень" — по-настоящему волнуют... На сцене — Александр Дольский. Полтора часовой концерт — как миг, как мгновение... И мы уже беседуем на кухне, небольшой и строгой. Александр Александрович держится просто. Он поражает искренностью и твердостью убеждений.

- Когда мне было 14 лет, я слушала Ваши песни, теперь мой сын, которому 15, тоже слушает их с удовольствием. В чем секрет такой популярности?

- В 80-е годы, действительно, была популярность — сверхъестественная. Я выступал со своими, в общем-то, элитарными песнями и стихами. Аудитория — бывало — громадная, иногда — дворцы спорта! Это ненормально. Сейчас же у меня, в основном, постоянные слушатели. Чрезмерной популярности — нет. Дело в том, что Поэзия не может иметь много поклонников, потому что умение читать и слушать Поэзию — тоже талант. А талантов не слишком много. В России их больше, чем в других странах... Если человек популярен, то значит, он что-то делает плохо, на потребу. И, вообще, помните у Пастернака: "Быть знаменитым некрасиво".

- Как Вас принимают за рубежом?

- Хорошо. Так же, как и здесь. Там, в основном, на концерт приходят наши люди. Только в Германии я обычно выступаю перед немцами. Они благодарные слушатели, у них — большой интерес к России.

- А Вы считаете себя бардом? Я

никогда не был бардом в том смысле, как у нас принято считать. Там аккомпанемент простецкий и стихи — тексты. А меня увлекает что-то, что трудно сформулировать, какой-то секрет должен быть, какая-то тайна и в стихах, и в музыке, и что-то должно быть изысканное, и должно быть искусство, и должно быть мастерство, и сквозить легкость, воздушность стиха и музыки должно просвечивать, для человека мудрого и понимающего в искусстве, что это — результат труда, результат поисков. Не просто так, сел и написал.

- Поэты говорят, что творчество — великая тайна, а откуда что приходит, они не знают.

- Да нет, это они напускают туману, некий флер таинственности к своим творениям. Нет, определенная предрасположенность и огромная увлеченность. Это невероятный интерес к результату, когда ни из чего вдруг появляется стихотворение. Предрасположенность, труд, какие-то знания, какая-то эрудиция, какое-то внутреннее чувство, которое называют лирическим, то есть такая особенность, которая не у многих людей есть. Вдохновение придумано слабыми. Есть у меня такой сонет, я его весь наизусть не помню.

"Каждодневно трудись, возносясь над местами, где низость и грязь..."

Сейчас я готовлю книгу сонетов — мое любимое детище. Вообще, сонет — изумительная форма, короткая и емкая.

- Какие условия Вам необходимы для творчества? Что важно кроме желания, карандаша и бумаги?

- Чтобы голова не болела, чтобы я был здоров, и чтобы никто не мешал. Правда, необходимо определенное настроение. Бывает и такое — настроения нет. Но если есть мысль, если есть какая-то задумка, то я, все равно, сяду и буду работать. И вдохновение придет, но так называемое "вдохновение". Вообще-то я считаю, что такого понятия нет.

- Есть ли особое место в доме, где Вы любите работать?

- Нет. Обычно пишу за столом, а иногда — лежа в постели.

- Почему Ваши песни, даже смешные, пронизаны грустью?

- Со стороны виднее.

Может это и не грусть.

А может быть лирика, я не знаю. [Смеется]. Мне трудно ответить на этот вопрос, не знаю.

- Всегда ли публика Вас понимает и принимает?

- [Пауза]. Если откровенно, я не знаю как... Смотря что Вы имеете в виду. Во всяком случае, ста-

"преступных деяний" (фраза со старых времен). Раньше говорили так: "Вот он — умный. А у тебя нет хорошей квартиры, машины, дачи, значит ты — дурак!"

- Чего Вы не принимаете в людях?

- Хамство.

- А что Вам симпатично?

- Наверное, интеллигентность.

- А не трудно ли быть и автором, и режиссером, и исполнителем?

- Нет. Когда артисты начинают говорить — какой это труд (певцы, музыканты, рокеры и т.д.) и как им трудно — все это вранье. Они и идут-то в артисты не потому что любят музыку, а потому что любят легкую жизнь и много денег. Обладая способностями и умением, они добиваются своего. Но поэзия не может быть работой и музыка тоже. Как можно сказать, что это трудно? Творчество — наслаждение, если оно настоящее. Это одно сплошное удовольствие.

- Семья это тыл!..

- Это тыл и фронт.

- Выросли дети, изменились и Ваши взаимоотношения с ними. Отразилось ли это на творчестве?

- Может быть, но я не знаю как.

- Помогаете ли Вы и ваши сыновья Надежде Александровне?

- Конечно. Я, например, с удовольствием варю супы, борщи, уху, тушу картошку с мясом, жарю грибы. Бывает, — импровизирую на кухне (улыбается).

- Суровый ли Вы отец? Наказывали ли детей? За что?

- Бывало, что наказывал. За хамство, за вранье, за грубость маме. Думаю, что есть дети, которых не нужно наказывать, а некоторых — нужно. Это те, у которых выплеск гормонов подавляет интеллект. Я наказывал без злобы, но, чтобы запомнили. Сам д-р Спок в конце жизни пришел к выводу, что детей надо наказывать. Я как-то расчувствовался: стал у сыновей прощения просить. А они мне: "Папа, ты все делал правильно". Даже благодарили меня!

- Сколько лет Вашим сыновьям?

- 23, 22 и 17. Старший, Александр, окончил медицинский институт, сейчас в армии. Средний, Павел, — в Академии художеств на 5 курсе. Младший, Петр, — на первом курсе ЛГУ, будущий логопед. Очень любит детей. Дети у меня, такие как я в юности. Не суетливые. Живут себе, делают свое дело. Не стараются стать банкирами, или, как это называется, новыми русскими. Профессии у них интеллигентные.

- А что за картины висят у Вас на стенах?

- Это работы сына, Павла. Он учится в Академии Художеств.

- Сына интересует Ваше мнение о его работах?

- Какие-то замечания я делаю, но редко. У него, по-моему, все получается очень интересно.

- А Вы сами были послушным ребенком?

- Не всегда. Я рос без отца. Мама работала. Часто оставался один. В школе, как ни странно, был отличником. Хотя, в основном, "воспитывался" во дворе: интересные игры, но и... хулиганство.

- А Вы своим малышам колыбельные пели?

- Иногда пел, но чаще рассказывал занимательные истории. Детям они очень нравились. И мне самому интересно было, а чем закончиться моя очередная придуманная история.

- Я смотрела передачу на 6-ом канале ТВ: у вас много джазовых импровизаций?

- Да, я — джазовый музыкант. Мне всегда интересно импровизировать. Дома часто беру гитару и импровизирую на разные темы.

- Бывает, и на классические?

- И на классические тоже.

- А вместе с Александром, сыном, импровизируете?

- Раньше было, теперь — сложнее. Было время, даже вчетвером играли. В нашей семье все играют, все поют. (Улыбается). Они не лезут на сцену, потому что у каждого свое дело, свои интересы.

- Есть ли у Вас мечта, какие-нибудь желания, связанные с Вашим творчеством?

- Я не мечтаю. Я просто хочу побольше заниматься только работой и меньше отвлекаться на вещи, которые не связаны с этим — не обязательные.

Есть ещё быт, какие-то обязанности — сугубо семейные, которые я, конечно, с удовольствием выполняю. Правда, у меня такое огромное количество стихов и музыки — перепроизводство, в общем-то. Есть и проза

Ну, а то, что я такой, не шибко организованный — я уже с этим смирился. Я понял, что подавляющее большинство художников — такие, так что это нормально. Просто надо стараться коэффициент полезного действия повышать, вот и все..

Александр Дольский: "А ТАЛАНТОВ НЕ СЛИШКОМ МНОГО"

раюсь быть честным.... Но не всегда я все говорю, что думаю, потому что простым это быть одно, а простачком — это нечто другое. Быть простачком — это все выкладывать, даже обидное для публики. Нужно иметь такт, нужно понимать, иметь вкус к тому, что ты говоришь, а не болтать всё подряд, стараясь делать все это по-умному (смеётся).

- Александр Александрович, что же такое для Вас сцена?

- Сцена — это очень много, это часть жизни. Человек, который существует на сцене, уже не может без неё обойтись. Когда он остается без сцены — это трагедия. Особенно у тех артистов, которые зависят от кого-то, которые не автономны, это драматические артисты, к примеру, или певцы, если им кто-то должен аккомпанировать. Они теряют публику, теряют популярность, их не принимают — это очень тяжело. Судьба — сложная штука, но я надеюсь, что у меня так никогда не будет, пока я здоров, конечно.

- У Вас есть песня, у которой — эпиграф — строчка Бодлера "Не знают умники таких прекрасных снов...". Кто для Вас эти умники?

- Для меня это псевдоумники. Они очень "практичные": ловкие, иногда до

- Любите ли Вы делать подарки?

- О, конечно!

- А получать?

- Приходится — не часто. Бывает. Это приятно. Мою песню "Зеленый камень" в Екатеринбурге признали лучшей песней о городе. Приз — полудрагоценный камень, тоже зеленый(!), а на нем — ящерица. Весит — три килограмма! Мне очень нравится эта вещь, она поднимает настроение и радует моих близких.

- Вас считают лучшим гитаристом среди поэтов Петербурга. Кого Вы можете выделить из своих учеников?

- Официальных учеников у меня нет. Некоторые авторы, которые лишены зависти, высокомерия или определенной мешанской глупости, признавались мне, что учились по моим записям.

- Есть ли у Вас близкие друзья, на кого можно положиться в трудную минуту?

- Боюсь, что нет. А может быть есть, я просто не знаю. У меня не хватает времени общаться с друзьями. Работа и семья — это замкнутый круг.

- Вас критикуют близкие?

- Да, конечно. Они даже смеются надо мной, прозвища придумывают!

- И Вы прислушиваетесь к их критике?

- Всегда прислушиваюсь. И не обижаюсь. Охотно что-то переделываю. Уважаю их мнение.